

18+

ВИКТОРИЯ САММЕРС

ЛИЛИЯ БЕССИЛИЯ

ПО МОТИВАМ РОМАНА А. ДЮМА
«ТРИ МУШКЕТЕРА»

**Виктория Саммерс
Лилия бессилия.
По мотивам романа А.
Дюма «Три мушкетера»**

<https://litres.ru/74465442>

ISBN 9785007122849

Аннотация

Что могло бы быть, если бы Атос и Миледи попытались склеить осколки былых отношений, решились выразить чувства, бушевавшие, возможно, в их сердцах и душах. Мы с вами вернемся к знаменитому произведению А. Дюма «Три мушкетера», к двум неудачливым супругам, один из которых сделал выбор в пользу чести и долга, замуравив свою любовь под маской безразличия и презрения, а другой столь яростно отдался чувству мести и ощущению жизни, что потерял последнюю значительно раньше намеченного срока.

Лилия бессилия

По мотивам романа А. Дюма «Три мушкетера»

Виктория Саммерс

© Виктория Саммерс, 2026

ISBN 978-5-0071-2284-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Все мы иногда ловим себя на убегающей быстроходной мысли о том, что наша жизнь могла сложиться иначе, случись определенные обстоятельства иначе, если бы мы стерпели, смолчали там, где это было бы уместнее, или, наоборот, высказались, проявили храбрость и мужество, когда чувства рвались из груди, но мы их подавили или вытеснили.

К сожалению или к счастью, нам не дано вернуть время вспять, обратиться к моменту, когда были брошены слова, глубоко ранившие нас или наших близких, когда еще можно было остановиться и подумать, есть ли шанс, последний или

предпоследний, что-то исправить. И несмотря на это, как же порой бывает заманчиво представить альтернативное развитие событий, как приятно, глядя на человеческие ошибки, сказать себе, что можно было быть мудрее.

Перед вами, дорогой читатель, предстанет далее размышление на тему, что могло бы быть со знакомыми с детства героями, если бы они попытались склеить осколки былых отношений, решились выразить чувства, бушевавшие, возможно, в их сердцах и душах. Мы с вами вернемся к знаменитому произведению А. Дюма «Три мушкетера», к двум неудачливым супругам, один из которых сделал выбор в пользу чести и долга, замуравав свою любовь под маской безразличия и презрения, а другой столь яростно отдался чувству мести и ощущению жизни, что потерял последнюю значительно раньше намеченного срока. Конечно, речь пойдет о Миледи и Атосе.

Когда же могло произойти альтернативное развитие их отношений? В сцене перед казнью было уже слишком поздно, маятник событий уже был запущен со стремительной скоростью, не будем забывать и про гордыню, которая была важной составляющей характеров этих персонажей. В сцене повешения на охоте? Слишком рано, иногда воссоединение становится возможным только на основе опыта боли потерь, сожалений и возможности раскаяния.

Итак, все верно, мы найдем шанс для наших героев в супружеской сцене, куда мы перенесемся и начнем наше повествование.

Глава 1

Горечь! Горечь! Вечный привкус

На губах твоих, о страсть!

Горечь! Горечь! Вечный искус —

Окончательнее пасть.

М. Цветаева

— Да, Миледи, — ответил Атос, — граф де Ла Фер собственной персоной нарочно явился с того света, чтобы иметь удовольствие вас видеть. Присядем же и побеседуем, как выражается господин кардинал.

Объятая невыразимым ужасом, Миледи села, не издав ни звука. Сказать, что она боялась этого мужчины, которому судьба отвела место ее первого мужа, не сказать ничего. Он был тем, кого она так и не научилась обводить вокруг паль-

ца, кто сразу мог разглядеть за ее кокетством, лицемерием, притворством. Когда они познакомились, он был слишком влюблен, чтобы ставить под сомнение ее слова, но сейчас...

— Вы демон, посланный на землю! — начал Атос. — Власть ваша велика, я знаю, но вам известно также, что люди с божьей помощью часто побеждали самых устрашающих демонов. Вы уже один раз оказались на моем пути. Я думал, что стер вас с лица земли, сударыня, но или я ошибся, или ад воскресил вас...

Говоря это, мушкетер осекся. На самом деле мысль о том, что он тогда сделал, превратила его жизнь в сущий ад, он и заснуть мог, только изрядно выпив, заставив себя таким образом стереть ее повешенное тело из своей памяти.

— Вы полагали, что я умер, не правда ли? И я тоже думал, что вы умерли. А имя Атос скрыло графа де Ла Фер, как имя леди Кларик скрыло Анну де Бейль! Не так ли вас звали, когда ваш почтенный братец обвенчал нас?.. Право, у нас обоих странное положение, — с усмешкой продолжал Атос. — Мы оба жили до сих пор только потому, что считали друг друга умершими. Ведь воспоминания не стесняют, как живое существо, хотя иной раз воспоминания терзают душу!

— Что же привело вас ко мне? — сдавленным голосом

проговорила Миледи. — И чего вы от меня хотите?

Она не слушала далее, что он говорил, задним умом понимала, что он перечислял ее прегрешения, главное, что она восприняла, что он знает о ее разговоре с Ришелье, об охранной грамоте, боже, значит, он подслушивал!

Лицо Миледи стало смертельно бледным.

— Вы сам сатана! — прошептала она. Так оно и было в ее представлении. Этот мужчина сломал ей жизнь в шестнадцать лет, сейчас он появился в самый неподходящий момент, чтобы опять ее разрушить.

— Быть может, но, во всяком случае, запомните одно: убьете ли вы или поручите кому-нибудь убить герцога Бекингема — мне до этого нет дела: я его не знаю, и к тому же он англичанин, но не троньте и волоска на голове д'Артаньяна, верного моего друга, которого я люблю и охраняю, или, клянусь вам памятью моего отца, преступление, которое вы совершите, будет последним!

Эта фраза вывела из себя Миледи. Гасконец соблазнил ее, явившись под видом де Варда в ее спальню, а сейчас ее муж, который по всем законам совести и чести должен был защищать ее, говорит об этом проходимце как о святом.

— Д'Артаньян жестоко оскорбил меня, — глухим голосом сказала Миледи. — Д'Артаньян умрет.

Атос хотел сказать, что ее невозможно оскорбить, напомнить ей о клейме лилии на плече, но слова не смогли сорваться с губ, он совсем недавно, еще не зная имени женщины, истинно верил, что поведение друга бесчестно, сейчас, поняв, кем была эта несчастная, когда он узнал, что гасконец соблазнил и обманул его жену, кровь в его жилах леденела.

— Он умрет, — повторила Миледи. — Сначала она, потом он.

У Атоса потемнело в глазах. Глядя ей в глаза, он знал, почему она сказала эту фразу, она хотела напомнить ему о том, что он принес ее в жертву своей чести. Он встал, выхватил из-за пояса пистолет и взвел курок.

Миледи, бледная как смерть, пыталась вскрикнуть, но язык не повиновался ей, и с оцепеневших уст сорвался только хриплый звук, не имевший ни малейшего сходства с человеческой речью и напоминавший скорее рычание дикого зверя; вплотную прижавшись к темной стене, с разметавшимися волосами, она казалась воплощением ужаса.

Атос медленно поднял пистолет, вытянул руку так, что дуло почти касалось лба Миледи, и голосом еще более утраченным, оттого что в нем звучали спокойствие и непоколебимая решимость, произнес:

— Сударыня, вы сию же минуту отдадите мне бумагу, которую подписал кардинал, или, клянусь жизнью, я пущу вам пулю в лоб!

Миледи, до этого испуганно вжимавшаяся в стену, вдруг выпрямилась. Она испытала странное чувство спокойствия, которое бывало с ней всего несколько раз, что-то в глазах и словах мужа заставило ее усомниться в этой клятве. Если бы он поклялся памятью отца, честью, вот тут бы она не задумываясь отдала ему документ, но когда он произнес клятву на своей жизни, она как будто впервые за весь разговор по-настоящему посмотрела на него: за последние шесть лет жизнь не была благосклонна к нему, он явно много пил, заметно похудел, она со злорадством поняла, что ее убийство не принесло ему радости и удовлетворения.

— Вы не посмеете, благородный Атос, вы не убьете меня второй раз, — с иронией произнесла она.

В душе Атоса, ранее именуемого графом де Ла Фер, была настоящая битва. Как он ненавидел ту, которая разрушила

его жизнь, погубила его любовь, заставила забыть свое доброе имя, посмеялась над ним шесть лет назад. Он противостоял семье, когда брал ее без приданого в жены, был готов бороться со всем миром. Но, увидев клеймо... понял, как сильно был обманут.

Сейчас, видя это прекрасное лицо, золотистые волосы, чувствуя ее дыхание, он уже не был уверен, что сделал правильный выбор, повесив ее тогда. Да, честь и долг говорили в нем о верности выбора, но сердце... Оно ликovalo, видя, что его жена жива, что он так и не стал «всего лишь убийцей». Сейчас его рука, держащая оружие у ее виска, вовсе не была тверда.

— Анна, отдайте мне документ и убирайтесь отсюда. Иначе...

— Иначе что? Пристрелите безоружную женщину? Ну же, стреляйте. — Анна де Бейль, Шарлотта Баксон, она же Миледи Винтер, вряд ли могла спокойно объяснить, чего она добивалась. Возможно, это была ее месть — довести до иступления своего убийцу, возможно, ей самой хотелось понять, как далеко он зайдет. Она чувствовала какую-то власть и силу в этот момент, интуиция подсказывала, что муж вовсе не так равнодушен и спокоен, как хочет казаться.

Атос не мог сказать, что именно толкнуло его к этому действию. Он вряд ли смог бы объяснить, чем именно руководствовался в этот момент. Небывалая ярость, которая двигала им несколько минут назад, когда он направил оружие на супругу, трансформировалась в обжигающую страсть, желание обладать ею, вновь ощутить ее вкус. Все сознательные мысли улетучились. Единственное, что он помнил, это то, что через секунду после слов Миледи он уже откинул оружие в дальний угол и с неистовством и самозабвением целовал свою жену. С того момента, как на той злополучной охоте он повесил Анну, он держался от всех женщин подальше. Только вино скрашивало его будни, любой мушкетер бы поклялся, что Атоса не интересуют женщины. Но как же они ошибались. Только одна она могла так разжечь его кровь, что от флегматичного и апатичного мушкетера не осталось и следа.

Миледи на долю секунду опешила от его напора, но через минуту уже, в свою очередь, отдавалась полностью поцелую, она вовсе не была безвольным игроком. Ох, как же он умел целоваться, у Анны прямо все внутри скрутилось от желания только от прикосновения его губ к ее коже. Скоро плащ и камзол Атоса уже были отброшены в сторону, а она сама увлекла мужа на кровать следом за собой.

* * *

Когда все закончилось, Атос тяжело вздохнул, глядя в потолок.

— Сударыня, — прохрипел граф, но сразу запнулся.

Что тут можно добавить? Разве можно вернуться к тому, что было, к угрозам, равнодушию после того, что только что произошло? Слияние с ней было сродни одержимости, он погрузился в мир ощущений, чувств, его израненная душа начала испытывать всю гамму переживаний, он был как слепой, который после чудесного снадобья прозрел и теперь щурился от яркости мира.

Миледи Винтер тем временем успела привести свою одежду в порядок и, воспользовавшись смятением мушкетера, уже подбежала к двери. Обернувшись на мужа, со злой издевкой в голосе проговорила:

— Что же вы, граф? Разве не будете угрожать, запугивать более? Или теперь, когда вы воспользовались моим телом, вам достаточно моего унижения?

Атос подскочил в постели, как если бы она выстрелила в него.

— Что вы несете? Я ни к чему вас не принуждал! Вы сами

этого хотели, а теперь смеете...

— Смею, благородный граф, смею, вы только что целились мне в голову своим оружием, конечно, я не сопротивлялась, страх и ужас сковали меня.

Тембр голоса всегда был самым мощным оружием в руках умелой шпионки, сейчас все нотки показывали возмущение, даже ужас от произошедшего.

Если бы можно было спросить у Анны, к чему был этот спектакль, она сама бы не нашла ответа. Она умела пользоваться своими женскими чарами, чтобы добиться желаемого от мужчин, но чаще всего она была отстранена эмоционально. То, что произошло между ней и мужем сейчас, было страстью, подчинившей ее саму. Ей давно уже не было так хорошо с женщиной. Вспомнились те несколько месяцев супружеской жизни, Оливье тогда заботился, чтобы ей было хорошо в альковных делах, он не был эгоистичным, как большинство мужчин. И сейчас... Миледи поймала себя на мысли, что если бы Атос не был ее врагом, противником планов кардинала, она бы обязательно насладились свиданием с ним.

Но вот так сдаться без всякого умысла? Непозволительно! Ей ведь не шестнадцать лет уже, заслужить ее внимания

пытались видные мужчины Англии и Франции, сам король одаривал ее бриллиантами и жемчугами намеренно. А она взяла и позволила какому-то мушкетеру поиграть с ней в этой грязной таверне, как с гулящей женщиной. Да, технически он так же граф и ее законный муж, но, по мнению Анны, это право он потерял, повесив ее на той злополучной охоте.

Атос тем временем становился бледнее и бледнее. Даже зная лживую натуру супруги, изучив ее злодеяния с момента ее службы кардиналу, он поймал себя на мысли, что он действительно мог воспользоваться ее страхом перед ним. Ведь он видел, как она вжалась в стену от испуга при его появлении, ужас олицетворял все в ее взгляде и действиях, а он ведь действительно еще и целился ей в лоб. Что, если она настолько боялась его гнева, что не решилась сопротивляться, когда поняла, что он ее желает? Вот черт! За эти годы он держался в стороне от женщин, чувство вины за содеянное, предательство и ложь любимой женщины, казалось, навсегда отвратили его от плотских желаний. Что, если от длительного воздержания он выдал желаемое за действительное? А ее просьбы остановиться принял за стоны и ответную страсть? Тогда он повел себя как самый омерзительный представитель своего пола, как обычный насильник, пользующийся слабостью женщин.

Мужчина схватился за голову. Нет, нет, чтобы он напал

на Миледи, на Анну, физически более слабую, чем он, так низко мушкетер еще не опускался никогда. Сейчас мысли о документе кардинала, безопасности друзей не приходили ему в голову, все, о чем он мог думать, — что он напал на свою жену.

Анна, довольная воспроизведенным эффектом ее слов, едва улыбнулась. Так тебе и надо! В следующий раз подумаешь, как угрожать ей, Миледи де Винтер.

Встряхнув копной вьющихся золотистых волос, она гордо выскользнула из комнаты. Теперь, после этой злополучной встречи, муж никогда не отстанет от нее, особенно если она убьет его друга. Надо заняться тем, что у нее получалось лучше всего: врать и плести интриги. У нее еще очень много дел намечалось, ей еще герцога надо убить, сейчас не до тревог о муже.

Не дожидаясь произведенной ее побегом реакции и погоны со стороны супруга, она выскочила из «Красной голубятни» и умчалась прочь.

Глава 2

Несколько недель прошло с того вечера. Атос и его друзья написали предупреждение лорду Винтеру, но, как они поз-

же узнали, это было бессмысленно, Бекингом все равно был убит.

Оливье де Ла Фер все это было абсолютно неинтересно. Он рассказал друзьям о подслушанном разговоре Миледи с кардиналом, об их браке, даже о клейме и о том, что, узнав про него, чуть не убил ее шесть лет назад. Он был настолько вымотан и эмоционально опустошен, что не упустил даже этой безобразной детали, реакция друзей не была для него теперь значима. Они хоть и ужаснулись от такого поступка друга (кроме гасконца, который был посвящен во все детали ранее), но не отказались от него. Упустил Атос только собственный титул и недавнюю близость с супругой. Графом он себя уже не считал, поэтому не видел смысла в упоминании этого, а вот про последнее он не сказал из чувства стыда. Ведь, вооруженный и нацеленный на получение защитного документа кардинала, Атос не только не выполнил этого, но и поддался страсти к своей жене. Мысль о том, что близость могла быть еще и невзаимной, а навязанной Миледи, он совсем боялся думать.

Его друзья были уверены, что Миледи убежала из-за страха разоблачения, но Атос знал, что это не так. Нет, это было ее маленькой победой над ним. Пока он сидел наверху в ее комнате и думал о том, что принудил ее к близости, она убежала выполнять заготовленный кардиналом план, тем самым

показав, что то, что произошло в той комнате, на той тесной кровати, совсем не взволновало ее холодное сердце.

Эти дни он был постоянно скорее пьян, чем жив, надеясь заглушить всплывшие наружу чувства, утопив их в алкоголе. Шесть лет он мучился виной, которую невозможно было утопить в алкоголе, шесть лет спрашивал себя, была ли она действительно виновна. Тот день на охоте остался размытым пятном, он до сих пор не мог понять, как смог так поступить с любимой женой, как смог повесить ее бесчувственное тело. Не иначе сам дьявол управлял им тогда. С того дня, как он узнал в Миледи свою умершую возлюбленную, его мысли были в постоянном хаосе. То он радовался ее воскрешению, то вызывал в себе отвращение ее текущими злодеяниями (она ведь даже с д'Артаньяном переспала). Но после их встречи в «Красной голубятне» ему все труднее было относиться к ней как к врагу.

Арамис и Портос не настаивали на разговорах, не пытались его расшевелить, а вот д'Артаньян был непреклонен, он постоянно задавал вопросы, а после трагедии в монастыре предлагал варианты устранения Миледи...

Со смертью Констанции его жене был вынесен смертный приговор. Увидев след яда в бокале, Атос понял, что его жена слишком далеко зашла. Теперь мушкетеры просто обяза-

ны честью были положить конец всем тем злодеяниям, за которые в первую очередь отвечал он. Именно он превратил одним своим неверным решением юную графиню в шпионку кардинала, убийцу и не только.

А тут еще и лорд Винтер собственной персоной приехал требовать убийства Миледи, даже палача из Лилля нашел (Атос в это время стремился уйти в тень, свыкнуться с мыслью, что на рассвете его прекрасной Анны снова не будет в его жизни). Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что если бы не поддался страсти, сейчас, вероятно, больше всех бы ратовал за ее казнь, но сейчас...

И вот он стоял на пороге ее временного пристанища, где она ждала своего отправления в Британию, так и не решив, что он скажет ей. Своим друзьям и лорду Винтеру он сказал, что сам присмотрит за Миледи, чтобы они лишь явились в назначенное время на берег реки Лис.

* * *

В это время графиня де Ла Фер, она же Миледи, думала о своей горькой судьбе по другую сторону. Не стоило ей убивать Констанцию, она это прекрасно понимала. Но приказы Ришелье нужно выполнять, раз она не захотела (или не смогла) идти с Миледи, пришлось ее устранить. Слишком много

секретов французской короны знала. Слова о мести д'Артаньяну, брошенные мужу, на самом деле не имели силы. Молодая Констанция, лишь на несколько лет отличающаяся по возрасту от самой Миледи, напоминала ей ее саму когда-то: вера и надежда, экзальтированность чувств — все это нужно было искоренить, как осколки зеркала нужно было выкинуть с глаз долой, но желания этого делать таким образом у Миледи действительно не было. В заточении у лорда Винтера, куда она попала благодаря мушкетерам, она осознала, что носит под сердцем ребенка мужа. Времени обдумать ситуацию у нее особо не было, ей надо было выбраться из заточения, подговорить Фельтона убить герцога Бекингема. Только отплывая во Францию, она осознала, что означали тошнота, слабость и прочие симптомы. Так шпионка еще никогда не ошибалась. Она, конечно, могла давить на это, но вряд ли кто-то из ее врагов учтет это как заслуживающий милосердия аргумент. Атос мог просто не поверить ей, решив, что она лишь давит на жалость. Для лорда Винтера даже ее сын, четырехлетний Джон, сын его единокровного брата, претендент на титул, не являлся чем-то заслуживающим симпатии. Она боялась за его жизнь и увезла его в английские провинции, чтобы и он не стал жертвой отравления, как отец.

Когда она убегала из монастыря, ощущение, что это было ее последнее испытание, ее не покидало. Теперь ничто не удержит Атоса и его друзей-мушкетеров от ее уничтоже-

ния. Если муж не остановился тогда на охоте, когда в вину ей можно было поставить лишь кражу церковных золотых сосудов, то теперь, когда ее преступления можно было бесконечно перечислять, когда она стала той, кем он хотел ее видеть... Нет, если они встретятся еще раз, ее голова точно будет отделена от тела. Но что же делать?

Анна кусала ногти до крови, пытаясь найти выход из сложившейся западни, когда в ее комнату вошел Атос.

Тишина... Двое супругов молча глядели друг на друга, не в силах что-то произнести.

— Оливье, — начала было Миледи, но остановилась. Это имя казалось ей совсем чужим, он ведь теперь Атос.

— Собирайтесь, — единственное, что произнес граф.

До последнего мгновения он представлял, как отведет ее на место казни, как озвучит ей ее приговор, но, войдя, увидев ее, понял, что не сможет. Она была прекрасна, как и раньше. Мысль о ее смерти наполнила его таким невыносимым почти физическим страданием, что он не сомневался. Лошадь ждала их у ворот, и он прекрасно понимал, что увезет ее подальше, даже если из-за этого потеряет друзей.

Анна не двигалась. Ну уж нет, она будет умолять, кричать, просить, шантажировать, подкупать, но не даст так просто себя уничтожить.

— Вставайте, Анна, — нетерпеливо повторил Атос. Он решительно подошел и потянул Миледи за руку к выходу.

— Нет, граф, послушайте, вы не можете, проявите милосердие, — начала шептать графиня.

— Я и так проявляю милосердие, идите за мной.

* * *

Анна на негнущихся ногах следовала за Атосом, его цепкая хватка крепко удерживала ее от мысли о побеге.

Ей еще ни разу в жизни не было так страшно, вот и все, ее молодая жизнь завершится, а она ничего не может с этим поделать. Можно было бы умолять, встать на колени, но, глядя на невозмутимый профиль графа, Анна представляла его равнодушный взгляд, и все внутри сжималось. Ох, как бы она хотела его ненавидеть. Эти идеи о благородстве, эти высокомерные взгляды! Сейчас она бы душу продала любому, кто смог бы защитить, или оказать покровительство, или просто предоставить еще немного времени, чтобы пожить.

Атос молчал, он видел синеватую бледность жены, как она шла за ним, как лишь его рука направляла ее так, чтобы она не врезалась в окружающие предметы.

Он хотел бы успокоить, заверить, что все будет в порядке, но слова застряли в горле. Лучше пусть боится, тогда, возможно, он и сможет добраться до замка без кинжала в спине. Что же он наделал? Предал друзей, честь, вступил в сделку с самим дьяволом, чтобы спасти ту, которую сам пытался уничтожить?!

Когда Анна в очередной раз споткнулась, он не выдержал и подхватил ее на руки. Желание защитить ее преобладало надо разумом, не мог он справиться с охватившей его нежностью.

— Ничего не бойтесь, миледи, — тихо проговорил он.

* * *

Атос посадил Миледи на своего коня и запрыгнул следом. Несколько раз Анна думала о том, чтобы сбежать, но ощущение, что муж вовсе не собирается причинить ей вред, останавливало. То, каким тоном произнес он последнюю фразу, как аккуратно и бережно держал на руках, пока нес к

лошади, — все это создавало впечатление, что он ей не опасен. Иначе почему явился один? Атос, насколько она помнила, никогда не врал, именно ее ложь во многом определила конец их брака, поэтому раз он говорил, что ей нечего бояться, значит, ей стоит поверить ему. Хотя именно с доверием у Миледи де Винтер всегда были самые большие проблемы. Учителя были слишком убедительные.

— Куда вы меня везете? — все-таки решилась спросить она, дрожа от порывистого ветра. Ее платье с меховой мантилей было достаточно теплым, но ее трясло, возможно, это было связано с ужасом, пережитым при мысли о смерти.

— Ваш дорогой покровитель сдал вас, записка с местом вашего нахождения как бы случайно выпала у Рошфора, — вместо ответа начал Атос. — Думаю, ваши услуги им больше не требуются.

Анна вздрогнула от этих слов. Она и сама это предчувствовала, именно поэтому и требовала тот документ у кардинала, опасаясь, что после устранения Бекингема станет ненужным свидетелем.

— И что теперь? Выполните грязную работу за Ришелье? — съязвила Миледи.

— У меня было достаточно времени свернуть вашу шею, если бы я этого действительно желал, — жестко ответил ее муж. И тут же пожалел о выборе слов, ведь кому, как не Анне, было известно, на что он способен.

Вместо ответа Миледи прикусила губы и промолчала. Ну, по крайней мере своими словами граф подтвердил, что не везет ее на казнь. Этого было достаточно. Как только она успокоится и отдохнет, она решит, что ей дальше делать и как себя вести с графом.

Атос, видя, как девушка вздрагивает, скинул с себя плащ и накинул ей на плечи. Она удивленно обернулась на него, но, не произнеся ни слова более, поплотнее завернулась в теплую ткань, сохранившую запах мужа.

— Приехал ваш деверь, он решил, что вас следует казнить, — начал граф, осторожно наблюдая за реакцией жены.

— Из ваших предыдущих слов следует, что вы не стремитесь удовлетворить его пожелание, — аккуратно заметила Миледи.

— Я ничем ему не обязан.

— Неужели вы считаете себя обязанным мне? — иронич-

но заметила она.

— Вы все еще моя жена...

— Как удачно вы об этом вспомнили! Почему сейчас? Захотелось повторения...

— Замолчите! — практически прошипел Атос. — Замолчите.

Она последовала его приказу, но мысленно улыбнулась своей способности вывести его из себя.

* * *

Через три четверти часа непрерывной езды Миледи почувствовала головокружение. За последнюю неделю такие приступы случались уже несколько раз, но проходили, поэтому она попыталась дышать ровнее, но перед глазами все поплыло, и она начала падать, услышав приглушенный крик откуда-то издалека.

Только рефлексy, выработанные за годы службы, помогли Атосу удержать Миледи от падения с лошади. Он был так погружен в свои мысли, что не сразу заметил, как она начала сползать. Вскрикнув, он схватил ее и остановил коня.

Спустившись на землю вместе с женой на руках, граф попытался привести ее в чувство. Его напугала ее мертвенная бледность и то, насколько холодной была ее кожа, несмотря на теплое платье и его плащ. Она не могла так искусно притворяться, поэтому мушкетер не на шутку испугался. Мощное дежавю ощутил он в тот момент, шесть лет назад на охоте он вот так же держал ее, именно тогда он и обнаружил клеймо на ее левом плече. Но сейчас все это было не важно, так как самое страшное о ней он уже знал.

— Анна, Анна, вы меня слышите? — Он протер своим шейным платком ее лицо, ослабил корсет платья, но она не приходила в себя. — Ну же, откройте глаза.

Дыхание было едва уловимое, в какой-то миг ему даже почудилось, будто она вовсе не дышит. Спустя несколько мучительных для графа минут Миледи охнула и открыла глаза. И тут же постаралась освободиться от объятий Атоса, так как ее начало тошнить. Оливье, не до конца пришедший в себя после ее обморока, успел только убрать ее волосы в сторону, пока она прочищала свой желудок.

Когда она закончила, он подвел ее к дереву, усадил в тени и дал прополоскать рот из своей фляжки.

— А воды у вас нет? — недовольно спросила девушка, когда поняла, что содержимое является анжуйским вином.

— К сожалению, нет, — виновато улыбнулся Атос. — Меня всегда устраивало вино. Вам лучше?

— Да, спасибо. Мне не хотелось, чтобы вы стали свидетелем такого.

— Поверьте, зрелище вашего падения было значительно страшнее.

— Вы спасли меня? Зачем? — недоуменно спросила девушка.

Атос неопределенно пожал плечами и продолжил, как будто не было данного вопроса:

— Думаю, мы можем сделать привал, отдохнем. Я бы хотел приехать в Берри до наступления ночи.

— В Берри? Вы желаете вернуться туда?

— Там нас не будут искать, по крайней мере, не сразу.

— Искать? Рошфор и Ришелье не знают о нашем знаком-

стве, вы будете последним, о ком они подумают.

— Все верно, но я больше опасаясь преследования со стороны вашего деверя и моих друзей.

— Неразделимые мушкетеры не сошлись в едином мнении, как лучше меня казнить? Какая ирония, — слабо рассмеялась девушка.

Сейчас, когда она сидела напротив него, Атос смог получше разглядеть ее и то, что он увидел, его встревожило: лицо после обморока не вернуло былой цвет, скорее наоборот, стало зеленоватого оттенка, губы сухие, глаза потухшие. Синяки под глазами были отчетливо видны на осунувшемся лице. Что с ней сделал Винтер, пока она была в Англии? Он и не заметил, как произнес этот вопрос вслух.

— О чем вы? — удивилась Миледи. — Я провела время просто потрясающе в заточении благодаря вашему письму, между прочим, чуть не была отправлена на преждевременный отдых в южные колонии.

— Он вас морил голодом, бил?

— К чему вы ведете, граф, вас не интересовали эти вопросы прежде?

— Прежде вы не падали в обморок и не выглядели, как если бы голодали, — спокойно ответил Атос. — Вас все еще трясет, хотя на улице тепло и вы закутаны в многочисленные слои ткани.

— Это пройдет, граф, поверьте, какими бы злодействами ни помышлял лорд Винтер, он не морил меня голодом и не истязал.

— Когда мы доберемся до поместья, я пошлю за врачом.

— В этом нет необходимости.

— Это позвольте мне решать самому, вы под моей опекой и...

— Я жду ребенка, — неожиданно даже для самой себя выпалила Анна.

Глава 3

Атос был как громом поражен, наверное, она опять пытается его обмануть, но зачем? Он и так принял решение укрыть ее от врагов, ей не требуется давить на жалость, кроме этого, ее вид подтверждал сказанное лучше, чем любые

заверения. Вот откуда тошнота и обморок. Но если это правда, то...

— Вы уверены?

— Да, все симптомы подтверждают это, — устало озвучила Миледи. Ей было плохо: холодно, тошнило, хотелось спать. Страх перед казнью ушел на задний план, все происходящее она воспринимала через какой-то туман. Чувство самосохранения говорило о том, что надо быть осторожной, но она устала, устала бежать, спастись, выживать. Мысли о ребенке, если быть честной, не посещали ее. Сам факт беременности был для нее очередным препятствием, ситуацией, с которой надо как-то смириться. Времени избавиться от плода, найти соответствующие травы в перерыве между заданиями кардинала у нее просто не было, как и времени подумать о том, чем это может обернуться. Она лишь знала, что сейчас рядом с ней мужчина, из-за которого она настрадалась в молодости, который виновен в ее текущем самочувствии, пусть он тоже примет участие в этом безумии. Если он решил (по каким-то непонятным для нее причинам) спасти ее, пусть доведет это до логичного конца. Тем более все ее проблемы начались с того, что она не рассказала графу о своей тайне много лет назад. А вдруг сейчас ее признание сыграет ей на руку? Пусть благородный Атос будет в ответе за то, что натворил, в конце концов, это его наследника она

ждет, пусть сам думает, как ей помочь.

— Отец ребенка? — аккуратно задал свой вопрос граф. Ему не хотелось думать о том, что пока он оставался верен памяти своей мертвой супруги, она ничуть не стесняла себя в амурных похождениях. Атосу были известны соблазнение д'Артаньяна (который по срокам не мог быть, по счастью, претендентом на отцовство), роман Миледи с Бекингомем (которого она убила по приказу Ришелье), очарованность де Вардом. Кто еще мог претендовать на место в ее постели?

— Граф де Ла Фер, вы никогда не были глупцом, за последние месяцы единственным мужчиной, с кем я имела неосторожность разделить постель, были вы. Неужели вы думаете, что будь у меня покровитель, я бы не искала его поддержки, тем более имея такой бонус?

— Но ко мне за помощью вы же не обратились?

— Как вы себе это представляете? Как бы я это озвучила вам: «Ох, граф, мне нужна защита от вашего друга и пары влиятельных лиц, вы же отец моего ребенка, вы ведь не откажете своей жене? Ах, совсем забыла, пара убийств, совершенных мной, совсем не должна вас волновать, особенно отравление любовницы вашего друга. Ну а я, конечно, забуду, как вы меня повесили на дереве»?

Анна еще долго говорила бы, если бы Атос не прервал ее:

— Я все понял, не продолжайте. Ситуация действительно весьма странная.

Миледи в ответ фыркнула.

Оливье де Ла Фер поверил в отцовство полностью, нет никакого смысла врать сейчас, он научился видеть, когда она лицемерит, кокетничает, выкручивается, но сейчас ее лицо отображало обреченность и усталость. Да, то, что произошло в «Красной голубятне», было не запланировано с ее стороны, слишком много затруднений влекло, она бы не стала так рисковать. Тем более сейчас. Она наверняка была искусна в вопросах трав, которые могли предотвратить ее состояние, у нее, по всей видимости, просто не было времени устроить все. От этой мысли у него засосало под ложечкой и стало очень больно. Несколько лет назад мысль о ребенке, ее ребенке, была самой большой его мечтой. До чего они докатились?

— Если бы не мой приезд за вами, рассказали бы вы о беременности? — задал волнующий его вопрос Атос.

— В случае, если бы вы повезли меня сегодня на казнь,

я бы попыталась, но, будем честны, вы вряд ли поверили бы моим словам, посчитали бы, что я пытаюсь разжалобить вас. Не встретить я вас сегодня, я бы отплыла в Британию, а там... Скорее всего, вы никогда бы не узнали, что стали виновником моего особого положения.

Граф де Ла Фер тяжело вздохнул, но не стал отрицать сказанное, на казни любые слова Миледи были бы восприняты как ложь, возможно, он бы и захотел проверить факт беременности, но он не был бы до конца уверен, что это не очередная уловка. Анна была относительно честна в своих намерениях — если бы они не встретились, ей незачем было бы говорить о данной ситуации. Слишком много боли разделяло их, пропасть, которую сложно было уничтожить совместным ребенком.

— И давно вам известно о ребенке?

— Я узнала в Англии, пока находилась в обществе лорда Винтера.

— И все равно решилась на...

— Оливье, порой вы наивны как младенец. Кардиналу так просто не отказывают.

— Он и так желает вашей смерти, несмотря на всю вашу верность.

— Если вы ждете от меня мук совести из-за гибели мужчины, готового из-за сиюминутной прихоти отправить на верную смерть тысячи людей, вы их не получите.

— А Констанция?

— Способствовала государственной измене.

— Но ведь не поэтому вы отравили ее?

— Я отравила ее, потому что не могла тащить с собой ее бездыханное тело. Выбор был между ее жизнью и моей. Я всегда выберу себя, больше никому меня защитить.

Атос молчал, пытаясь переосмыслить услышанное. Новость о предстоящем отцовстве перевернула его и без того суматошные мысли. С одной стороны, это чертовски усложняло и без того сложную ситуацию, с другой стороны, ребенок Анны — разве могло что-то быть желаннее. Ему остро захотелось выпить, руки сами потянулись к фляжке, но, поймав насмешливый взгляд Миледи, он заставил себя остановиться.

— Вы можете пить, я вам не..

— Жена? Боюсь, мы с вами оба знаем, что по закону это именно так. И, судя по всему, теперь у вас прав на меня еще больше, чем ранее, — улыбнувшись одними уголками губ, заметил Атос.

Она едва заметно кивнула.

Во что они себя втянули?

Глава 4

В это время мушкетеры во главе с лордом Винтером ждали приезда Атоса с Миледи. Когда опоздание составило уже несколько часов, Портос озвучил то, о чем думали все остальные:

— Вероятно, она напала на него и сбежала. Возможно, она уже на пути в Британию.

— Если это так, нам нужно вернуться и проверить, наш друг не сдался бы без боя, он, вероятно, серьезно ранен или... — начал д'Артаньян, но лорд Винтер оборвал его:

— Она сам дьявол, я приставил к ее охране самого вер-

ного, непоколебимого человека, а она опутала его ложными мыслями, соблазнила, не только заставила помочь ей сбегать, но и натравила на Бекингема. Если ваш друг каким-то чудом выжил, это будет удивительно.

Было решено вернуться к последнему пристанищу Миледи и убедиться, что Атос ранен или мертв, но когда они прискакали туда, тела Атоса они не нашли. Хозяин гостиницы подтвердил, что их друг приезжал, но ни криков, ни выстрелов он не слышал.

Арамис, молчавший всю дорогу, знаком показал Портосу, что хочет переговорить с ним наедине. Они отошли в сторону, и несостоявшийся аббат заметил:

— Ты сам все понимаешь.

— Думаешь, он решил увезти ее отсюда? — Портос всегда был более наблюдательным, чем о нем думали.

— Если бы они боролись, мы бы нашли следы. Но все указывает на то, что они ушли добровольно. Ты и сам видел, каким он был последнее время. Встреча с ней, должно быть, повлияла сильнее, чем мы думали, он просто не смог ее казнить.

— Когда д'Артаньян об этом узнает...

— Это будет расценено как предательство. Не будем забывать, что и лорд Винтер желает смерти Миледи.

— Что же нам делать?

— Нам она не причинила никакого зла, Атос любил ее, теперь все становится ясно: и его затянувшееся одиночество, и увлечение алкоголем... Подставив его Миледи, мы раним нашего брата. Думаю, мы можем предложить разделиться, найдем Атоса, выясним, что он планирует делать, дальше уже решим.

— Один за всех.

— И все за одного.

С этими словами два мушкетера пошли реализовывать свой план.

* * *

Заставив Миледи съесть яблоко, Атос помог ей сесть на коня, после чего супруги продолжили путь. Неоднократно Атос винил себя в непродуманности своего плана. Он пред-

полагал, что они быстро доберутся до его имения, но теперь осознал, что до темноты они не успеют доехать. Миледи пыталась скрыть свою тошноту, но граф следил за каждым ее движением, как ястреб, чуть замечая изменения в ее лице, сразу предлагал сделать остановку. Сначала Анна сопротивлялась, говорила, что с ней все в порядке, но потом и сама поняла, что не может продолжать в том же духе. К вечеру Атос принял решение остановиться на ночлег в лесу. Не лучший вариант, но альтернатив было не много. Либо они отдохнут, либо она упадет в обморок по пути. Он честно пытался лелеять в себе ненависть к супруге. Напоминал, что если бы она была обычной женщиной, а не существом без совести и морали, он бы не оглядывался по сторонам в ожидании увидеть друзей с оружием, направленным на него, но когда он отмечал ее бледность и слабость, волнение и нежность брали верх над злостью.

Разведя костер, чтобы Анна не мерзла, граф расстелил свой камзол на земле и предложил Миледи лечь на него.

— Я не фарфоровая кукла, это не первый мой привал в лесу, — возразила она. Ее начало злить беспокойство мужа, как и вся эта ситуация. Если бы она не поддавалась страсти в таверне, сейчас она могла спокойно сбежать. А так она вряд ли останется в сознании, даже если получится уйти подальше в лес. Ей хотелось плакать, кричать, но сил было только на

то, чтобы слабо возразить Атосу.

— Вам плохо, это совершенно очевидно. Будучи вежливым мужчиной, я не могу позволить вам страдать сильнее необходимого, поэтому послушайте меня и ложитесь, — очень терпеливо проговорил Атос.

Это спокойствие графа было показным, он все больше нервничал, волновался по поводу здоровья Миледи, чей вид демонстрировал, что она держится исключительно на силе воли. Еще немного, и она просто упадет, синяки под глазами стали более очевидными. Он видел, что состояние Миледи не позволяет ей продолжать путь далее, и это и злило, и пугало его. Весь его план был импровизацией. Он не думал о том, что сделает, когда увезет ее в поместье. Возможно, лучше было дать ей покинуть Францию и сказать друзьям, что они разминулись. Не помешай он ей в этом, сейчас ее здоровью ничего бы не угрожало. Он чувствовал, что усугубил и без того непростую ситуацию. Само поместье было в запущенном состоянии, он не был уверен, что оно сейчас пригодно для проживания (все-таки много лет он не появлялся там).

Анна выругалась на английском и легла на его камзол, плотнее кутаясь в плащ. В данный момент ненависть к графу преобладала, поэтому, отвернувшись от него к огню, она язвительно добавила:

— Конечно, сделали свое черное дело, а теперь вспомнили о вежливости.

— Анна... — начал Атос, но остановился. Что он мог добавить? Действительно, он был непоследователен и неосторожен. Сейчас они оказались в этой ситуации по его вине.

Миледи стало неловко, что с ней происходило крайне редко. Оливье до сих пор находился во власти убеждения, озвученного ею в таверне. Да и ссориться с единственным человеком, желающим помочь, было не в ее интересах.

— Вы не виноваты. Я могла остановить вас, если бы хотела, — миролюбиво заметила она.

— Не пытайтесь меня успокоить, — озвучил Атос мягко. Он лег рядом на землю, чуть в стороне от нее. — В этом нет необходимости, я не причиню вам зла, можете быть спокойны.

— Тогда я сорвалась на вас, так как мне было неловко, что я повела себя подобным образом. Вы не сделали ничего из того, что я не хотела. И это меня разозлило.

— Видит бог, я не хотел принести вам новые страдания.

Мне жаль, — тихо прошептал Атос, наблюдая, как она тщетно пытается согреться.

Графу было страшно. А что, если она не сможет добраться до поместья, что, если ей снова станет хуже? Ни врача, ни души рядом нет на тысячу верст, сам Атос не был подготовлен к подобным ситуациям. Схватка с гвардейцами кардинала — легко, помощь мушкетерам — нет ничего проще, но что делать с больной женщиной в лесу, если ей станет плохо, он понятия не имел. Плюс он как будто бы постоянно ожидал, что друзья настигнут их. Он бы легко смог поднять шпагу против них, но как посмотреть д'Артаньяну в глаза, прочитав в них предательство? Ведь именно Миледи хладнокровно убила Констанцию и даже не скрывала этого. Почему он укрывает ее? Если это лишь страсть, то он жалок, если тут искать более глубокие чувства, то жалок вдвойне. Эта ведьма очернила его родовое имя, его благородные стремления, он почти освободился от ее плена, повесив ее, но она и тут выжила. Сейчас он сам решил защитить ее от казни. И вот тут было самое неприглядное — если бы она убеждала и уговаривала его, он мог бы считать, что она околдовала его, что он поддался ее чарам. Но ситуация выглядела так, что ей было бы лучше, если бы он вовсе не появлялся в ее жизни, что оставляло горький привкус на его губах.

— Я не спрашиваю вас, Шарлотта. Я только хочу сказать то, что говорю вам сейчас. С тех пор как вы остались одна, покинутая братом, я стал появляться у вас на пороге. Я полюбил вас еще больше, после несчастья, случившегося с вами. В самом деле, чтобы принять меня, вам понадобилось шесть месяцев. Хорошо, говорю я, прошло шесть месяцев. В эти шесть месяцев вы относились ко мне с добротой, за что я благодарен вам, Шарлотта. Неужели я когда-нибудь пожал вашу руку, не поблагодарив вас за это как за величайшую милость? Неужели я когда-нибудь хотя бы раз говорил с вами о любви, не получив прощение в ваших глазах? Неужели я хотя бы раз спросил вас о том, кто вы, откуда вы, куда исчез ваш брат?

* * *

— Так вы одиноки, Шарлотта?

— Одна во всем мире.

— Никто не имеет на вас прав?

— Никто!

— Ваше сердце свободно.

— Я думала, вы знаете, что я люблю вас.

— Повторите это для меня смело, открыто, верно.

— Виконт, я люблю вас.

— Шарлотта Баксон, вы выйдете за меня замуж?

— Что вы говорите?

— Очень простую вещь, Шарлотта. С тех пор как я люблю вас и вы любите меня...

— Но ваш отец...

— Послушайте, Шарлотта, это жертва, на которую я прошу вас пойти. Наша свадьба испортит последние дни моего отца. Я надеюсь, вы не откажитесь от тайного брака?

— Я ваша слуга, Виконт.

— В день, когда я назову себя графом де Ла Фер, вы станете моей графиней. Вы знаете, что мой отец стар, болен, страдает. Вам не придется долго ждать [1].

Анна со вскриком проснулась. Уже много лет она не вспоминала о признании в любви и предложении руки и сердца своего первого мужа. Эти дни остались в прошлом, как и имя Шарлотты. Странно, что именно сейчас... Нет, это не имеет значения. Миледи огляделась по сторонам, она была одна. Ее укрывал плащ Атоса, солнце уже ярко сияло, костер погас. Шпионка отметила, что графа нигде нет, как и его коня. Неужели он бросил ее тут? Хотя это уже не первый раз, когда она просыпается и оказывается в незавидном положении. Вспомнить хотя бы, как она очнулась после той охоты с петлей на шее, в разорванном платье и со связанными шелком руками.

Миледи передернула плечами. Ничего, выберется сама, не стоило зависеть от кого-то, особенно от столь непредсказуемого, как граф. Но в этот момент за ее спиной раздался треск. Она обернулась и увидела Атоса, выходящего из-за деревьев.

— Все в порядке?

— Да, конечно, а куда вы отвели коня?

— Попить воды, тут рядом есть источник, хотите? —

Граф предложил Анне фляжку, которая теперь была наполнена не вином, а водой.

Миледи с жадностью воспользовалась его предложением. В душе она понимала, что, скорее всего, он не рискнул оставить коня рядом с нею на случай, если она решится сбежать. По правде говоря, эта мысль не успела посетить ее, утром она всегда была тяжела на подъем. Более того, сейчас ей было выгоднее добраться до поместья графа, а уж там продумать дальнейшие действия. Ее смерти желал Ришелье, деверь, мушкетеры, если хорошо подумать, то и многие в Британии. Самым разумным выходом было инсценировать свою смерть (для этого нужно тело молодой женщины со светлыми волосами и клеймом, по которому ее сможет опознать д'Артаньян), а потом спешно покинуть страну по поддельным документам либо сменив фамилию при новом замужестве. Этот план нуждался в существенном продумывании деталей: начать с того, что Атос вряд ли даст ей беспрепятственно убить ни в чем не повинную женщину, кроме того, оставался открытым вопрос, как и с помощью чего подделывать клеймо. Все остальное тоже нуждалось в доработке. Сегодня она чувствовала себя лучше, пока ее не тошнило, но это было временным облегчением, нужно было быть уверенной, что она сможет быть в состоянии проскакать длительное расстояние в одиночку до того, как предпринимать более решительные действия. Она не хотела признаться себе,

что общество мужа ее вовсе не тяготило и ей приятно было ощутить заботу и поддержку Атоса. Нет, точно не из-за этого она тянула с осуществлением своего плана.

Тем временем граф де Ла Фер пристально наблюдал за ней. Она выглядела лучше после отдыха — синяки под глазами не так разительно выделялись на бледном лице. Ночью, пока она спала, он придвинулся к ней и обнял. Ему показалось, что он лучше согреет ее теплом своего тела, и, кажется, это помогло. Проснувшись, он быстро отправился на поиски питьевой воды, хотя это скорее было оправданием, чтобы она не заметила его близости, когда проснется. Он был убежден, что ее болезненное состояние было единственным, что позволило ему проснуться без кинжала в спине, даже сейчас он видел, как в ее бледно-голубых глазах начал созревать план. Был ли это план бегства или его убийства — это еще предстояло узнать.

— Вам надо перекусить, и двинемся дальше, — проговорил Атос, предложив Анне скудный завтрак из ягод и сухофруктов (мушкетеры всегда были готовы к непредвиденному и носили с собой скупые запасы пищи).

— Вы все еще планируете ехать в Берри? — аккуратно уточнила она.

— Да, там мне будет легче спрятать вас.

— Зачем вам это, граф? Вы приехали ко мне еще до того, как узнали о моем положении, вы и тогда собирались спрятать меня, но почему?

— Вас это так удивляет?

— Конечно, последние наши встречи были омрачены удавкой и угрозами пристрелить меня. Мне сложно поверить в ваше теплое отношение.

— Вы никогда не простите мне прошлого?

— А разве его можно простить? Вы даже не попытались привести меня в чувство тогда, спросить, была ли я виновата, вы клялись мне в любви, клялись быть мне опорой, а вместо этого...

— У меня до сих пор нет слов, чтобы объяснить свое поведение в тот день. Я страдал все эти годы. Если бы я знал тогда, во что превратятся все последующие дни.

— То есть вина является причиной...

— Долг и честь не принесли мне счастья, не освободили

меня от вас, напротив, вы стали моим мстительным призраком, кошмаром, от которого не избавиться. Когда я понял, что каким-то чудом вы выжили, будь это сам ад или дьявол, что оживил вас...

— Всего лишь мальчишка.

— Что?

— Он пожалел меня, перерезал веревки, дальше, когда я пришла в себя, помог мне дойти до своего дома. Он помнил меня еще сестрой священника, не побоялся господского гнева.

— Что было дальше?

— Не имеет значения, мне надоело вспоминать прошлое. Я готова ехать дальше.

Миледи решительно встала, сделав вид, что не заметила его протянутой руки, и ждала, когда он соберет вещи и приведет коня.

[1] «Юность мушкетеров» А. Дюма

Глава 6

В поместье они приехали без происшествий, замок был пустым, все слуги были освобождены от обязанностей несколько лет назад, когда граф уехал. Повсюду пыль и холод. Нужно было распорядиться, чтобы привели девушку помогать Миледи, нужен был слуга, который приведет жилое помещение в соответствующий вид. А лучше всего послать за Гримо, тот быстро наведет порядок. Все эти мысли за несколько секунд появились у Атоса, когда голос жены заставил его вздрогнуть.

— Вы действительно хотите прятаться тут? Хороший план, если меня не убьет голодная мышь, это сделает холод и грязь, — недовольно поморщилась графиня. Ей доводилось проживать в отвратительных условиях за недолгую жизнь, но признавать это перед Атосом совершенно не хотелось.

— Я готов выслушать ваш план, Миледи, — холодно ответил супруг.

— Кто вам сказал, что я готова поделиться своим планом?

— Идите в спальню, я отправлюсь в деревню, распоряжусь, чтобы тут все привели в порядок.

Анна не сразу сообразила, что он от нее ожидает, но когда

поняла и увидела, как он берет связку ключей со столика, взвизгнула:

— Вы не запрете меня в спальне, граф, я вам не позволю!

Она начала пятиться назад к стене, озираясь по сторонам в поисках чего-то тяжелого.

— Я не причиню вам вреда, но мы оба понимаем, что я не могу доверять вам. Я должен убедиться, что вы останетесь тут, пока я не вернусь.

Он быстро подошел к ней и, взяв за руку, повел в сторону хозяйской спальни. Хотя... «попытался отвести» было бы правильнее. Анна сопротивлялась изо всех сил, царапалась и пыталась убежать. Ей вспомнилось, какой ужас сковал ее, когда она поняла, что Винтер запер ее.

— Нет, пожалуйста, нет!!!

Граф привык выходить победителем в схватках с гвардейцами, но физически бороться с женой ему совершенно не хотелось. Он боялся причинить ей боль, постоянно напоминая себе о ее состоянии, старался не реагировать, даже когда она своими ногтями оставила ему кровавый след на щеке. Но когда она закричала, он сделал единственное, что пришлось в

голову, — схватил и поцеловал.

Миледи почувствовала желание супруга, ей и самой были приятны его прикосновения, ну что ж, если это поможет ей остаться незапертой, можно и повторить свидание. Она провела ладонью по груди мужа и начала нащупывать застёжки на одежде.

Атос отстранился от нее и посмотрел непонимающим взглядом. Он сжал ее ладони и осторожно отвел от себя.

— Что вы делаете?

— Разве не понятно? То, что вы очень хотите.

Граф как ошпаренный отпрыгнул от нее.

— Боже! Анна, я просто пытался заставить вас замолчать своим поцелуем, согласен, способ был не самый хороший, но единственный, который не предполагал вашего физического дискомфорта.

— Ну так давайте продолжим, я не возражаю против...

— Я знаю, что вы пытаетесь сделать. Поймите, сейчас нам нужно работать сообща. Я обещаю, что это единственный

раз, когда я закрою вас в комнате, но путь в деревню займет время, и я не готов терзаться сомнениями, останетесь ли вы на месте, когда меня не будет рядом. После мы с вами обсудим, что делать, как себя вести друг с другом, но сейчас...

— Как я могу быть уверенной, что, закрыв меня, вы не забудете о моем существовании? Я не хочу умирать, я еще слишком молода.

— Анна, Шарлотта, Миледи, я даже не знаю, как мне к вам обращаться. У вас нет причин верить мне, доверие подорвано с обеих сторон, признаю. Но неужели вы считаете, что я способен на такое, если не по отношению к вам, то хотя бы к своему ребенку?

Граф не знал, что будет делать, если она скажет, что он на такое способен, это разобьет его сердце. Если она продолжит сопротивляться, он оставит ее тут. Тогда она может исчезнуть, испариться опять, а ему лишь останется по крови ее жертв определять, куда она направляется.

Миледи задумалась, но все-таки кивнула и добровольно направилась в спальню. Атос последовал за ней и остановился на пороге их прежней комнаты. Тут все осталось нетронутым, со дня охоты нога графа де Ла Фер не ступала сюда, практически сразу он уехал, не смог остаться наедине с бо-

лезненными воспоминаниями.

Анна присела на край кровати и тихо прошептала:

— Обещайте, что вернетесь. Поклянитесь своей честью, что я не останусь гнить здесь.

Атос тяжело вздохнул. Неужели она так думает о нем? Но вслух он лишь произнес:

— Даю слово дворянина, клянусь честью!

Он резко развернулся и вышел из комнаты, заперев ее на ключ.

Оказавшись по ту сторону двери, он прислонился к косяку и стукнул кулаком о стену. Как же им выбраться из этой ситуации, если они не способны доверять друг другу? Как заставить ее перестать его бояться?

Миледи откинулась на кровать со схожими мыслями. Что ей делать, если он не вернется, что будет, если за ней в его отсутствие приедут ее враги? Одинокая слеза упала на ее щеку.

* * *

Арамис и Портос вернулись в Париж в поисках Атоса, никто из знакомых (даже верный слуга Гримо) не видел их друга. У капитана королевских мушкетеров они узнали детали его жизни до службы, те немногие, которыми тот располагал.

— Получается, что наш простой мушкетер — граф. Но почему он никому это не рассказывал? — размышляли друзья по дороге в таверну.

— Он жил в Берри, возможно, сейчас они с Миледи направились именно туда, — предложил Арамис.

— Если это так, не уверен, что нас ждет радушный прием. Вот черт! Как думаешь, д'Артаньян владеет данной информацией?

— Не знаю, нам лучше поторопиться, мы должны добраться до Атоса раньше, чем это сделает наш друг-гасконец.

— Пока ты расспрашивал Гримо, я поговорил со своим знакомым, недавно вернувшимся из Британии, — заговорил Портос, когда они сели за стол и заказали вина. — Тот поведал интересную историю про таинственную смерть второго супруга Миледи.

— Что тебя поразило? Лорд Винтер поведал нам, что он,

скорее всего, был отравлен вдовой.

— Тут все становится интересным. Оказывается, Миледи от смерти супруга особо не выиграла, все наследство и титул достались брату погибшего, часть пошла на содержание наследника — да, согласен, представить Миледи матерью очень странно, но все же это так. Мальчику через пару дней после смерти отца стало настолько плохо, что пришлось вызвать лекаря. После этого ребенка решили отправить на свежий воздух поправить здоровье, но есть основания полагать, что его тоже пытались отравить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.